

Борис Конофальский



РЕЙД

САРАНЧА



12+

Рейд

Борис Конофальский

Рейд. Саранча

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Конофальский Б.

Рейд. Саранча / Б. Конофальский — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Рейд)

Святое дело - помочь братьям, когда им нужна помощь. Саблин и хотел было откзаться, он только что из госпиталя, да нельзя - командование просило. Казаки ехали помочь соседям с эвакуацией, а вышло все совсем по-другому.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Борис Конофальский

Рейд. Саранча

Глава 1

Сразу видно, баба не местная. Ни в степи, ни в болотах женщины такую одежду не носят. Сапоги у нее по ноге, в обтяжку, какие-то нарядные. Сама в юбке. Юбки официантки носят в чайной. Замужние казачки их по праздникам надевают. У неё юбка едва до колен. Между сапогами и юбкой колени видны. Сидит, нога на ногу. В такой юбке в КХЗ не залезешь. Или она её подбирает? Тонкая кофта, с высоким горлом, в обтяжку. Всё на показ. Не стесняется. Да и вся она не такая, к каким он привык. Не такая, как крепкие казачки или уставшие и худые китайки. Пальцы тонкие, ногти красные, икры даже в сапогах видно накаченные, а щиколотка тонкая. Волосы самые светлые, что он когда-либо видал. Только у детей светлее бывают. Городская. И красивая. Села совсем рядом с его кроватью, пахнет удивительно. У казачек таких запахов не бывает.

– Панова, – представилась она и протянула руку.

Непривычно это.

Одна фамилия, не имени, ни отчества. В руках планшет-доска, на нём белый лист – бумага, вещь недешёвая.

Неприлично на неё пялиться, подумает чего ещё. Аким смотрит на мужчин. Один в эластичном костюме, виски седые, выбрит чисто, стрижен коротко, как военный, серьёзный. У другого и вовсе на мундире капитанские погоны, а на лычках знак медика. Только не верится Саблину, что он доктор. Глаза у него, не глаза, а сталь. Вопросы задаёт – как гвозди вбивает. Хотя всякие доктора бывают.

Женщина достаёт из ранца два оранжевых шара, кладёт на полку рядом с его кроватью. Саблин знает – апельсины. И ещё два шара, правда, неровной формы, они красные с жёлтым. Этот плод ему неизвестен.

– Вам, – говорит она.

Он невольно глянул на неё. Тонкая вся, гибкая и кажется сильной при этом. Да, красивая. И сказал:

– Спасибо.

Обошёлся бы он, конечно, и без этих плодов. Впрочем, дети будут рады. А вот он этим гостям особо не рад. Замордовали его гости. Жену-то, рыдающую и жалеющую, то упрекающую и злую, да детей ещё как-то терпеть можно, а вот остальные порядком надоели. Казаки придут, сядут. Один про здоровье интересуется, остальные молчат, ждут, что он им расскажет, как всё было. Сами с расспросами не лезут, но по мордам видать, всем им очень интересно, как так случилось, что казаки промеж себя войну открыли.

А Саблину охота про то вспоминать? Охота вспоминать, как он своих однополчан без жалости бил?

Говорят, Марья Татаринова приходила, хотела к нему пройти, слава Богу, её фельдшер не пустил. Прошла бы сюда, села тут, рыдать бы стала. Вот что бы он ей сказал? Что мужа её пришлось убить, когда он умом тронулся и братьев бить начал. Убить и в болоте бросить плавать. Нешто так казаки поступают? Нет, не поступают.

А ещё к нему повадился подъесаул Щавель ходить, с ещё одним подъесаулом Волковым из особого отдела полка. Никодим Щавель и сам въедливый, а этот Волков так ещё злее. Сидит, головой кивает, слушает, вроде, добродушный, вроде, понимает, а потом начинает вопросы задавать. И так их задаёт, как будто подловить на слове желает. И за шесть дней они к нему

восемь раз приходили. И каждый раз об одном и том же, об одном и том же спрашивают, спрашивают, спрашивают. Век бы их не видеть. Как хорошо, что Саблин додумался – башку этой странной твари привёз, как хорошо, что планшет переделанного у него в лодке нашёлся. Не будь этого, несдобровать ему. Ей Богу, несдобровать. Он надеялся, что Юрка, как говорить сможет, его рассказ подтвердит. Да только, что он подтвердит. То, что Татаринов рехнулся. Дальше-то он не помнит.

Станичные старшины тоже приходили, отцы-старики, мрачные сидели у него, слушали. Послушав, решили казаков на место боя оправить, павших найти да слова Саблина заодно проверить.

Да разве в болоте сыщешь мертвых, их уже рыбы да звери на клочки разорвали. Но вот глассер переделанных нашли взорванный, лодки разбитые тоже. Оружие переделанных и казачье было. Вроде, не врал Саблин. Но всё равно непонятное дело выходило. Непонятное.

А кроме своих, так ещё учёные из Норильска приезжали с армейскими, им тоже было интересно. Тоже донимали. Аким как оклемался, так только и делал, что говорил. Повторял одно и то же целыми днями. И бывало, что одно и то же несколько раз в день.

И вот теперь эти тут сидят. Бабу красивую привезли зачем-то. Сидит она, колени голые, свитер в обтяжку у неё, ничего не скрывает, к чему это всё?

Мужчины тоже, кажется, представились, но их имён Саблин то ли не расслышал, то ли не запомнил. Спрашивать было неудобно, да и не нужно. Он к ним никак не обращался, он только на вопросы отвечал.

– А как вы достали планшет офицера? – Спрашивал штатский.

Акима немного покоробил такой вопрос, в самом деле, не украл же он его:

– Снял с убитого.

– Офицера убить непросто. – Заметил медик со стальными глазами.

– Любого из переделанных убить непросто. – Недружелюбно косясь, отвечал Саблин.

– А вы убили пятерых? – Продолжал штатский.

– Пятерых.

– Как, из чего? – Вставил вопрос капитан мед. службы.

– Из всего, что было. «Бегуна» из пистолета бил, а добил из дробовика. Из двустволки.

– А «солдат» тоже из пистолета били? – Интересовался капитан.

Вот чего он донимает, знает же, что «солдат» пистолетной пули и не заметит. Зачем такие вопросы задаёт? Злит только.

– Одного солдата из СВС, Снайперской Винтовки Соколовского, убил, второй на фугас выскочил. Их, вроде, всего два было. – Вздыхнув, отвечает Аким, он это уже раз тридцать рассказывал, а эти... Сто процентов отчеты Щавеля читали.

– А откуда вы узнали, где фугас поставить? – Спросила женщина.

Саблин глянул на неё, ухмыльнулся. Баба, что с неё взять, видать, не понимает, с кем разговаривает. Он думал, что её спутники ей сейчас объяснят, кто такие пластуны, но они смотрели не на глупую женщину, а на него. Ждали его ответа.

– Я поставил фугасы в месте вероятной высадки противника на берег, – терпеливо начал говорить он.

– А откуда вы знали, что они там высадутся?

– Из опыта, определил место, где высаживаться будет удобнее всего.

– А откуда вы знали, что они вообще собираются там высаживаться? – Не отставала женщина.

– Я не знал, я предполагал. – Продолжал Саблин.

– А на чём основывались ваши предположения?

«Какая же нудная баба. Чего ж тебя разбирает?» – Думал Аким с некоторым раздражением. Но вслух, конечно, говорил иное:

– Я пред этим убил какую-то тварь, и у неё в ухе увидел гарнитуру коммутатора, понял, что она там не одна. Решил подготовиться.

– Вы туда приехали не один? – Спросил штатский.

Вот, вот теперь начались самые неприятные вопросы. Послать бы их, да Щавель с Волковым рекомендовали поговорить с приезжими. Попробуй не последуй их рекомендациям.

– Не один, – сухо отвечал Аким.

– А сколько вас было?

– Восемь. – Ответил Саблин и замолчал.

Пауза. Гости ждут пояснений, а ему уже надоело говорить одно и то же, он молчит.

– С вами тяжело говорить, – наконец сказал штатский.

– С вами тоже.

– Мы здесь по делу, – вдруг снова заговорила женщина, – мы не хотим причинять вам беспокойства, но вы должны нам помочь.

«Всем я чего-то должен», – думает Саблин, а на эту красавицу глаз не поднимает.

И тут она вдруг протянула сою красивую руку с тонкими пальцами и коснулась его руки, потрогала так, как будто успокаивала, а он чуть не убрал свою руку, словно испугавшись. Но одумался, чего ему бабы бояться. Отдёрнул бы руку, дураком выглядел бы.

– То существо, с которым вы встретились, было не одно. – Продолжала Панова, а сама ему в глаза заглядывала и не убирала своей руки с руки Акима. – Их было три как минимум. И только два человека, что с ними встретились, выжили. Вы один из них, и вы единственный, кто его видел и кто его уничтожил. Все остальные только радиogramмы передавали о плохом самочувствии и о том, что люди сходят с ума и начинают конфликтовать друг с другом.

Она, наконец, убрала свою руку, и Саблина сразу полегчало.

– Как вы себя чувствовали в тот день? – Спрашивает медик, а сам смотрит, словно прицеливается.

Нет, не здоровье Саблина его интересует.

– Ну... Голова болела.

– Голова болела, и всё? – Не верил медик.

– Глаза болели, словно давят на них сверху.

– Боль пульсирующая?

– Да.

– Тошнота?

Саблин показал жестом: ну, была малость.

– Нам говорили, что вы не очень-то разговорчивый. – Произнёс штатский с неудовольствием.

«Уж простите, что не балагур» – подумал Саблин и ничего не ответил.

– Раздражение было у вас? Кто-то из сослуживцев вас раздражал? – Продолжал капитан медицинской службы.

Раздражение. Нет, не раздражение. Саблин с тяжестью в сердце и с чёрным стыдом вспомнил, как стрелял в спину снайпера Фёдора Верёвки. На всю, наверное, жизнь он это запомнил. Аким первой пулей в него попал, он видел это, но стрелял и стрелял ещё три раза, каждый раз попадая. И не чувствовал он тогда ничего, кроме удовлетворения. Разве ж это раздражение. А радиста Анисима Шинкоренко как убивал? Вспоминать не хочется. Он аж зажмурился, да нешто это поможет. А баба чёртова в лицо заглядывает, ждёт рассказа. Он в него четыре пули выпустил, а радисту и перовой хватило. Она в сердце попала. Аким, кажется, даже злорадное удовлетворение получал. Какое же это раздражение? Нет, не раздражение это было. Это была злоба. Злоба тогда его ела поедом.

– Злоба, – чуть осипшим голосом говорит Саблин. – Лютая злоба. Гудит в голове, сначала терпимо, а потом всё тяжелее от этого становиться. Так тяжело, что дышать тяжело. И начинает злость разбираться.

– Дальше, – почти командует медик.

– Под конец, когда все уже мертвы были, я сам застрелиться хотел, лишь бы голова не разрывалась.

– Дальше говорите, – спокойно настаивает капитан.

– Думал, если не застрелюсь, то мне глаза раздавит.

– Почему не застрелились?

– Не хотел...

– Умирать? – Едва не с усмешкой спрашивает капитан.

– Не хотел сдаваться. Понять не мог, что происходит, но вот сдаться не мог. Пистолет разрядил в землю. И ждал, что будет дальше.

Мужчины молча слушали, а женщина что-то быстро чиркала на своём планшете, кажется, каждое слово за ним записывала.

– Как вы убили это существо? – Спросила Панова, отрываясь от бумаги.

– Ножом, – говорит Аким, но тут же исправляется, – вибротесаком её достал в брюхо.

– Патроны кончились? – Спросил штатский.

– Нет, ещё немного оставалось, но я понял, что её так не убить. Я неплохо стреляю, но в неё попасть не мог.

– Она так быстра? – Панова всё записывала.

– Да нет... Не то, что бы быстра. Просто не попадал.

– Почему? – Не отстаёт женщина. – Говорят, что вы хороший рыбак и охотник. Руки дрожали?

– Прицелиться в неё не получалось.

– Но почему?

– Всё в глазах плыло, марево перед глазами, жара.

– Каждое слово из вас тянуть приходится, дальше рассказываете. – Настаивает штатский. – Объясните.

– Ну... Вроде, выстрелил в неё, а её там нет. Как не было. Целишься – сидит, выстрелил – нету. Как наваждение. По траве все патроны расстрелял, а её, кажется, не задел даже.

– И как удалось убить?

– Устал, сил стоять больше не было, голова разрывалась, лёг на землю, а она и подошла сама.

Все пришедшие молчали, смотрели, ждали.

– Не знаю, зачем она подошла, может, поглядеть на меня хотела, маску с меня стянула, я её за лапу схватил, брюхо распорол ей.

– Она сразу сдохла? – Спросил медик.

– Какой там! Я её ещё картечью добивал... Два или, может, три патрона ей всадил.

– И теперь вы в неё попадали? Вся картечь в цель попадала? – Спросил штатский.

– Да, – Саблин вдруг с удивлением припомнил, что: – Кажется, у меня, как я ей брюхо распорол, голова стала проходить. Да, мне легче стало. Два патрона я ей воткнул. А потом... Да, а потом подошёл... Она в рогоз пыталась уползти, но я ей голову отрезал. И к лодке её понёс, и выздоровел.

Глава 2

– Вы упоминаете существо, всё время употребляя женский род. – Заговорила Панова, опять что-то записывая. – У неё были какие-нибудь половые признаки?

– Чего? – Не понял Саблин.

– Ну, она была женщиной, самкой, как по-вашему?

– Жабой она была, – зло сказал Аким, тяжело глядя на женщину, – ядовитой болотной жабой, которых я убиваю при первой возможности.

Панова опустила глаза, стала чиркать на своём листе что-то.

– Хотя, может, и самкой, – вдруг добавил Саблин.

Посетители опять молчали, ждали, что он разовьёт тему.

– Ну, вроде плечи у неё не как у самца, узкие, черты лица... морды тоже не мужицкие. Ну, не знаю, как объяснить, всё в ней было бабье. Нет, не знаю, как объяснить... – он махнул рукой, – забудьте.

Но они ничего забывать не собирались, женщина опять что-то записывала, а мужчины внимательно его слушали. И капитан медицинской службы спросил:

– У неё было какое-нибудь оборудование?

– Оружие? – Не понял Саблин.

– Нет, приборы или что-то подобное?

– Ничего такого я не видел, жаба голая была.

– Жаба, – повторила женщина задумчиво. – По-вашему, она на жабу была похожа?

– Нет, на саранчу степную. Или нет... на человека вперемешку с насекомым. Ноги как у саранчи, глаза как у стрекозы, а руки на наши, вроде, смахивали, только очень сильные. Я как за руку её поймал... так она твёрдая... крепкая, как карбоновый трос.

– Пахла как насекомое? – Спросила Панова, записывая его слова.

– Да не нюхал я её, – сказал Аким и тут же вспомнил, – точно, я, когда резал её тесаком, дым шёл... Да, воняла она как стрекоза раздавленная.

– Значит, никакого оборудования у неё не было? – Задумчиво произнёс штатский.

– Не видел, – ответил Саблин.

– Не видели, – всё ещё задумчиво продолжал собеседник. – А что-то должно было быть.

Аким не знал, что сказать, и молчал. И ждал, когда же они уйдут.

– А как у вас работала электроника? – Продолжал штатский.

Тут Саблин опять ничего не мог сказать:

– Эхолот работал, а всё остальное не помню.

– Эхолот работал? – Удивился штатский.

И женщина, и капитан тоже были удивлены. Аким заметил это.

– Есть мнение, что это существо генерирует звуковые волны низкой частоты. – Пояснила Панова.

– Та голова, что вы добыли, это совершенный, конический диффузор в основании, с уникальными поперечными мембранами. – Добавил штатский. – Мембраны из удивительного материала. А окончание головы, законченный конус – идеальный резонатор. Этот череп способен выдавать очень низкие частоты. Судя по вашим рассказам, это был сигнал большой интенсивности. К тому же череп удивительно хорошо защищает мозг. Мозг существа надёжно экранирован, у нас складывается ощущение, что оно ещё генерировало и электромагнитные волны. Понимаете?

Саблин почти ничего не понимал.

– Мы думаем, что оно выдавало низкие звуковые волны и комбинировало их с высокочастотными магнитными волнами. – Пытался объяснить капитан медицины.

Это тоже не сильно прибавило Акиму понимания.

– Но даже если это так, – не торопясь продолжал штатский, он, казалось, обдумывал каждое слово. Для убедительности он даже пальцем крутил невидимый обруч в воздухе. – Ему нужна энергия, море энергии, оно должно было таскать с собой десятикиловаттный генератор.

– Не было с ней никакого генератора, – произнёс Аким и добавил, – и аккумулятора не было. Ничего с ней не было, она была, – он взглянул на красивую женщину, – худая, ноги длинные, подвижная вся. Только брюхо у неё было, ну... немаленькое, и там жидкость была, на ходу оно колыхалось. Брюхо, и больше ничего.

– Нам надо его найти, – твёрдо сказала Панова, обращаясь к Саблину. – Это существо опасно.

А Аким сделал вид, что не слышит её. Даже не поглядел в её сторону.

– Понимаете, нам нужно найти останки этого существа, иначе скоро они будут хозяйничать на ваших болотах. – Продолжала женщина, пристально глядя на Саблина. – И будут они заметно сильнее, так как это всего-навсего экспериментальная модель.

Он всё равно её не слышал, а баба настырная была, ей был нужен его ответ, пусть даже отрицательный:

– Вы слышите меня, господин Саблин?

– Товарищ... – поправил её Аким.

– Да-да, конечно, товарищ Саблин. – Исправляется она и лезет своей мордашкой чуть ему не в лицо, заглядывает в глаза.

Аким молчит, какая же противная баба, он на неё даже глаз поднять не хочет, а она ждёт, зараза белобрысая. А чего она от него ждёт, старики уже казаков посылали туда. Ездили как на войну, в полной боевой выкладке. Ясное дело, ничего не нашли.

Разве трупы в болоте сыщешь? Любой труп рыбы, улитки и пиявки за два дня до костей обглодают. А если труп на земле лежит, так его стрекозы с оводами днём, а мошка ночью есть будут. А ещё раки на мертвечину ночью из воды вылезут, они тухлятину за много метров чувят. Если что от жабы осталось, так это кости. Да и они долго не пролежат.

Мужчины молчат, Аким тоже, а баба – нет, не унимается:

– Товарищ, Саблин. Нужно найти её останки, – она понимает, что это маловероятно, – ну хотя бы то, что могло сохраниться, то, что найдём. Надо съездить туда, понимаете?

– Бабе это моей скажите, – наконец говорит он ей, чтобы отстала.

Видно, такого оборота Панова и оба её спутника не ожидали. Мужчины приглянулись, а она отпрянула, вздохнула. Конечно, это смешно звучало, казак за бабью юбку прятался, но это подействовало. Может, они отстанут. Так сначала подумал Аким. Но он не понимал ещё, с кем имеет дело. Панова посидела, подумала и произнесла:

– Я поговорю с вашей женой, – и добавила обидное, – попробую уговорить её, чтобы она разрешила вам сходить с нами.

Может, она и не хотела обидеть, но её слова задели Саблина. Что ж получается, что его баба будет ему, заслуженному казаку, добро на любое дело давать? А Панова смотрит, ждёт. Нет, она это специально сказала, знала, что заденет. Для этого и говорила.

– А без меня не доедете, что ли? – Наконец спрашивает он. – Я вам на карте всё покажу.

– Мы и так на карте всё видели, – говорит Панова, – нам нужно всё точно посчитать. Нам нужно знать, где вы были, когда голова у вас заболела, в каком месте стрельба началась и сколько оттуда было до ближайшей суши. В каком месте у вас недомогание усилилось. Когда заболели глаза. Нужно всё измерить до метра.

– Хотите знать, на сколько метров она достаёт? – Спросил Саблин.

– Да, хотим знать её диапазон. Хотим знать, как распространяются волны. Что это: направленный луч или как у антенны – окружность. – Говорил штатский, кивая головой, словно соглашался сам с собой. – Кроме вас нам никто картину вашего боя не опишет, никакая карта.

– Жена мне житья не даст, если я соглашусь. – Наконец нехотя произнёс Саблин. – Она была против, когда я в этот рейд собирался.

– Вы потеряли лодку, – говорит Панова да ещё так проникновенно говорит, словно всю жизнь за Акима переживает, – мы знаем, как для рыбака важна лодка. Мы вам купим новую, и мотор купим, самый лучший, какой захотите. И ещё вы получите пять рублей. А жене вашей скажем, что в экспедиции нас будут охранять очень хорошие солдаты.

Саблин усмехнулся. Что эта глупая женщина такое несет, его, болотного жителя, пластуна в его болоте будут охранять солдаты! Но спорить с ней не стал. Как ни крути, а лодка-то ему по-всякому нужна. И мотор нужен. Даже если по дешёвке брать, неновую и с неновым мотором, а двадцать целковых выложить придётся. Или за своей старой ехать, на то место, со дна её поднимать, а она вся в дырах, мотор разбит. Он задумался.

– Время, – сказал капитан-медик.

– Ваш врач нам полчаса на разговор выделил, – пояснила Панова.

Гости стали собираться. Мужчины, вроде, и без лишней любезности, но руку ему жали и пошли к двери, а женщина осталась.

Чуть наклонилась к нему, как будто боялась, что кто-то может услышать, и заговорила:

– Я читала ваше дело, вам дважды собирались присвоить звание, первый раз отложили, второй раз отложили, после этого случая опять отложат. Мне кажется, это несправедливо. Я поговорю с вашим руководством, вы заслуживаете повышения.

Он посмотрел на неё удивлённо: вот дура баба, кто ж тебя слушать будет из полкового начальства? Неужто ты и вправду думаешь, что есаул или, тем более, полковник слушать тебя станут.

– Только вы отвезите меня на то место, где всё случилось. – Продолжала она и, не дожидаясь его ответа, опять прикоснулась к его руке, повернулась и пошла к двери.

Высокая. Подтянутая. В своих этих сапогах, кофте в обтяжку, юбка узкая, одно слово – городская. Мужики ему не понравились, одиншибко умный, одинслишком твёрдый, а вот женщина... странная она.

Тут его пробило. Она сказала, что читала его дело. Как так, кто ж ей позволил, к таким делам допущены офицеры не меньше есаула рангом. Кто ж она такая, что ей дозволили его дело читать.

А ещё лодку обещала, мотор, денег. Удивительно всё это, удивительно. Он машинально поглядел на свою заживающую левую руку, стал сжимать и разжимать пальцы, как доктор велел, изо всех сил. А самого всё не покидала вопрос: кто ж это был у него? Вот балда, даже фамилий их не запомнил. Думал, и не мог понять, имена они, вроде, называли, а вот должности – нет. Бабёнка так и просто сказала: Панова. Типа это всё, что тебе нужно знать, ну, кроме того, что она лодку с мотором купит. Может, это учёные какие.

Нет, однако, всё удивительно.

Где то на западе звонко хлопают «125-е» мины. А здесь, в овраге, их разрывы кажутся тихими, безобидными. Казаки быстро догоняют ушедший вперед взвод. Раненых забрали медики, теперь Саблин за них не волнуется. Теперь выживут.

Враг не унимается, ни на минуту не прекращается огонь. Обрабатывает первую полосу. Там, где сейчас Юрка должен быть.

Думать об это не охота даже.

А взвод снова залёг, завалились казаки на стенки оврага, ждут, когда минёры новый фугас обезвредят. Аким уже не помнит, какой это по счёту. Нашёл свой ранец, а гранаты в нём нет, он и вспомнить не может, куда её, тяжеленую, дел. И ладно.

Коровин и Карачевский сняли фугас, двинулись дальше. Два часа ночи, а на западе всё только начинается. Понеслись тяжело ухать «чемоданы». Вроде, далеко рвутся, а дрожь до оврага докатывается, со стен песок сыпется. Мины бьют, тихо-тихо работают в дали пулемёты. Точно началось. Видать, атака пошла.

И тут же, перекрывая весь шум боя, заскрежетало с визгом, долго и противно. Турель. Саблин даже поморщился, как представил бесконечные рваные светящиеся полосы двадцатимиллиметровых снарядов, что со скрежетом рвут воздух и несутся вдаль, чтобы убивать его товарищей. Турель – страшная вещь. Скорострельная. Мощная. Точная. Хорошо, что замаскировать её нельзя. Разве такое замаскируешь? Это ж огонь потоком.

– Ерёменко, давай на верх, – бежит в хвост строя взводный, протягивает Ерёменко ПНВ, – засекай турели.

Повторять не нужно, Лёшка сбрасывает ранец с торчащей из него гранатой, отдаёт Аким «Барсука», штатный армейский дробовик, лезет по обваливающемуся грунту наверх. Аким его поддерживает, помогает снизу. Все ждут. Ждать приходится недолго, вскоре Ерёменко кричит вниз оврага:

– Турель, тысяча восемьсот двенадцать метров на юго-запад.

Он ещё не закончил, а гранатомётчики, как муравьи, уже волокут в гору, на стену оврага пусковой стол. Им теперь труднее, их двое осталось. Но скидок на это не будет.

Остальные казаки снова роют в песке окопы. Крепкие руки, крепкие солдатские руки, как сотни и сотни лет назад, сейчас выбросят наверх десятки кубометров земли, чтобы спрятаться в вырытых норах. И выжить. У кого это получится. А потом уйти ковырять землю дальше.

Саблин капает окоп для себя, хорошо, что грунт мягкий, и ещё окоп для кого-нибудь. Может, для взводного, а может, для кого-нибудь из расчёта гранатомёта.

Всё как обычно, всё как всегда: война.

– Есть, вижу, – сообщает второй номер расчёта гранатомёта Теренчук, после ранения Кужаева он теперь старший.

Он не отрывается от резинки уплотнителя для прицела, кричит третьему номеру Хайруллину Тимофею:

– Гранату на стол.

– Есть, – отвечает тот, быстро заражая гранатомёт, уложив полутораметровый цилиндр в ложе, кричит, – гранта на столе.

– Давайте, хлопцы, – говорит им снизу оврага взводный, – не промахнитесь.

Говорит негромко, они его сейчас не слышат. Он и не для них говорит, для себя.

А казаки роют окопы, роют быстро, умело, сколько таких за жизнь любой из них выкопал уже. Тысячу, наверное. Роют молча, только сервомоторы в суставах жужжат. А там, наверху, вдалеке где-то заливается скрежетом турель. Изрыгает белые полосы вниз по склону.

– Давайте, хлопцы, давайте, – закликает командир взвода Михеенко гранатомётчиков, – а то эта зараза народа побьёт.

У Саблина уже второй окоп готов, а выстрела нет, он садится на край своего окопа, открывает забрало. Пока не пальнули, пока не полетела «ответка», думает покурить. К нему тут же подсаживается радиоэлектронщик Юра Жданок:

– Дай огня, Аким.

Прикуривают, ждут.

И трёх затяжек не сделали, а Теренчук орёт сверху:

– Товсь!

– Есть, товсь! – Кричит третий номер и добавляет, оглядываясь вниз. – От струи.

Это для порядка, никто из казаков, конечно, под струю залезть не может.

– Пуск! – Орёт Теренчук.

Хлопок, визг. Ракета ушла.

Саблин и Жданок делают большие затяжки. Взводный подходит к ним, толкает Жданка в локоть, мол: дай затянуться.

Жданок отдаёт ему сигарету.

– Есть! Накрытие! – Орёт сверху Тимофей Хайруллин.

Но взводный ему не верит, вернее, хочет, чтобы старший сказал, он за оптикой сидит.

– Накрытие? – Переспрашивает он.

– Накрытие, – кричит Теренчук.

– Молодцы, – радуется командир, – спускайтесь оттуда.

Но вместо этого первый номер расчёта снова припадает к оптике.

– Теренчук, глухой, что ли, – кричит взводный, – снимайте стол, спускайтесь. Сейчас бить начнут.

– Вторую вижу, – на секунду Теренчук оторвался от прицела. И снова склоняется к нему. – Вторую! Косит наших с правого фланга. Две двести сорок шесть метров.

Все молчат, взводному бы сказать, но он молчит вместе со всеми.

– Гранату, – орёт Теренчук, снова оглядываясь вниз, – чего ждём? Время идёт! Гранату давайте.

Взводному бы отдать команду, чтобы спускались, прятались, но секунды идут, а команды нет.

Лёша Ерёменко выскакивает из своего окопа, лезет в свой ранец, достаёт две части гранаты, Саблин бежит к нему.

– Ну, чего вы там, – орёт Теренчук, – давайте, пока её видно, пока дымом не заволочло.

Аким и Ерёменко быстро скручивают между собой ходовую и головную часть гранаты, и Лёша лезет вверх, к гранатомётчикам, поднимает гранату над собой:

– Тимоха, лови.

Хайруллин хватает гранату, тут же закидывает её на стол, докладывает:

– Граната на столе.

– Вижу, – не отрываясь от прицела Теренчук. И через секунду глядит на своего второго номера и зачем-то орёт, хотя тот в полуметре от него:

– В укрытие!

– Целься ты давай, – отвечает Хайруллин, даже и не пошевелившись.

Быть такого не может, что их по пуску первой гранаты не засекли, но мины в ответ не летят, всё летит на склон, к армейцам и их второму взводу. Там, в полутора тысячах метра от оврага, каждые пару секунд вспыхивает разрыв. И туда же бьёт сволочная турель, ни на секунду не затыкаясь. Полосует и полосует страшными белыми линиями подходы к склону.

– В укрытие, все, кто не нужен, – наконец командует взводный.

Но сам стоит, задрал голову, прямо под гранатомётчиками.

Аким отходит к своему окопу. Тяжко вот так ждать. А этот чёртов Теренчук, словно прирос к прицелу или умер на нём. Не шевелиться. Сгорбился и сидит.

Все замерли опять, ждут, Саблин снова тянет сигарету из пыльника, закуривает. Только закурил, взводный тут же забирает у него сигарету. Аким вздыхает, тянет следующую.

А Теренчук так и не шевелится.

– Помер он там, что ли? Хайруллин, он там жив? – Кричит урядник Носов.

Аким видит как на фоне зарева, там, высоко, на краю оврага, Хайруллин машет на него рукой, мол: не мешай.

А секунды идут.

Тягостно это всё, тягостно. Ждать удара, так хуже ничего нет. «Ответка» прилетит, все это знают и ждут. Быстрее бы уже. Саблин накурился, хотел кинуть окурок, так кто-то из казаков его забрал.

И тут:

– Товсь! – Орёт Теренчук, так и не отлипнув от прицела.

– От струи! – В след ему орёт Хайруллин.

И сразу за этим:

Пах...

Над оврагом вспышка, все как днём стало видно на долю секунды, и снова темнота.

В-с-с-с-ш-ш-ш...

Звук быстро становится свистом. И стихает.

Все замерли, все ждут, задрав головы, смотрят на Тренчука. А он так и сидит, скрючившись у прицела. Так и не отлипает от него.

Глава 3

Саблин открыл глаза и увидел Савченко. Тот улыбался, ставил на тумбу, что слева от кровати, запотевший пластиковый жбан. Рядом пакет положил. Пакет непрозрачный был, от него так пахнуло острым вяленным мясом дрофы, что у Акима слюна выделилась. Деликатес. Редкая еда. А жбан (сто процентов) с драгоценным пивом. Савченко старается не шуметь, но видит, что Аким открыл глаза, спрашивает:

– Что, разбудил?

– Не спал, – говорит Саблин.

– Задремал?

– Да нет, просто... Закрыв глаза.

– К тебе не попасть, очередь, как станичному голове. – Говорил Олег. – Я какой раз прихожу, а у тебя всё кто-то сидит. И сидят, и сидят. Чего им всем нужно?

– Да интересуются всё, как да что. – Нехотя отвечает Саблин.

Савченко становится серьёзным. Садиться на стул верхом, как на квадроцикл.

Аким думает, что и он сейчас начнет вопросы задавать, тоже будет интересоваться, но Олег, чуть помедлив, произносит:

– Слышал, что там, в рейде, произошло. Ты это... – Он говорит медленно, не глядя на Саблина. – Знай, что бы там люди ни болтали, но я верю каждому твоему слову. Я тебя давно знаю, не тот ты человек, который брехать будет. Раз так сложилось, значит, по-другому сложиться не могло.

Савченко, видно, в курсе всего был. Всё, значит, знал.

Аким помрачнел, знал, вернее, догадывался, что люди будут разное говорить о происшедшем. Он глянул старого на приятеля и спросил:

– А что люди говорят?

– Люди? Казаки молчат, а бабы чего только не сочиняют. Чего с них, с куриц, взять. Машка Татарина бегает, народ баламутит. Бабы погибших казаков тоже дурь несут, я тут все эти сплетни пересказывать не буду.

– Расскажи, – просит Саблин.

– Да отстань ты, – говорит Савченко, чуть раздражённо, – ещё я бабью брехню не пересказывал.

Да, видно, мерзости по станице про рейд говорят. Совсем, видно, плохое.

– Ещё раз говорю, если так случилось, если пришлось... – он не говорит, что именно пришлось делать, – значит, другого выхода не было.

Саблину вдруг самому захотелось всё ему рассказать, вроде как объясниться, чтобы понял, как всё было. Но он сдержался, не такие они уж и друзья, чтобы таким делиться. Юрке бы всё рассказать. Но Юрка в коме. Ему лёгкое восстанавливают.

– У меня у самого такое было, – вдруг говорит Савченко. Снова смотрит не на Саблина, а в угол куда-то. Сложил руку на руку на спинку стула, барабанит пальцами. – Был у меня один китаец, толковый был мужик. Я с ним три раза на промысел ходил. Никогда не ныл, крепкий. Вроде, небольшой, а тянул на себе не меньше других. Пошли мы на девяносто шестую высоту. Недалеко, там вертолёт разбитый я давно заприметил, думали алюминия нарезать. Помнишь, там же никогда не было переделанных.

Саблин не помнил, давно всё это было.

– А тут навались, – продолжает Олег, всё еще не глядя на Акима. Словно со стеной говорит. – Стали уходить, да и ушли бы. До лодок километров пять оставалось. От бегунов отбились бы, а этот... китаец... Короче, навались мы на рой. На шершней. Ты шершней лесных видел? Видел же.

Аким отрицательно мотает головой.

– Зараза редкая, это тебе не оса степная жёлтая.

«Она и степная-то – мерзость опасная», – думает Саблин.

– И даже не чёрная. – Продолжает Савченко.

Саблин вспомнил одну из самых опасных тварей пустыни: чёрную, как уголь, осу-наездницу, чей укус сразу приводит к анафилактическому шоку и коме.

– Так осы хоть КХЗ не прокусывает, – Говорит Олег, – а эта тварь... – Он показывает указательный палец, – вот, ещё больше. И жало сантиметр, и твёрдое, как из карбона. Шлёпается на тебя с разлёта, вцепится кусачками своими и давай колоть. И колет, и колет, хорошо, если КХЗ армирован, да и тот бывало, пробивали, сволочи, а маску или респиратор так сразу прокалывают. Сразу. И кидаются всегда все вместе, весь рой. В общем, я пока банку с дихлофосом выхватил, его уже три раза куснули.

Он замолчал, и Саблин молчал. Так и молчали, пока Савченко не продолжил:

– А я вешки сигнальные поставил, вижу, один «бегун» пробежал, второй. Надо уходить, а он без сознания. Колю ему, что положено, а толку, час нужен, чтобы подействовало. А часа у нас нет, «бегуны» через пятнадцать минут прибегут. Завяжемся с ними, а там и «солдаты» подтянутся. Трясу его, а у него глаза закатились... И ничего. В себя не приходит. Вот так вот.

На этом Савченко и замолчал. Дальше рассказывать нужды не было. Саблин всё понял. Человека живого переделанным оставлять нельзя.

Мужчины молчат, пока Саблин не говорит:

– А ты водки не принёс?

– Да вот не подумал, – говорит Олег. – Давай хоть пива выпьем.

Он тянет руку к запотевшей баклажке и...

– Нельзя ему пить. – Резко и громко звучит в палате женский голос.

Аким вздрагивает, а Савченко от неожиданности аж подскакивает на стуле.

На пороге стоит Настя, за руку держит Наталку.

– Господи, так и до инфаркта довести можно, – говорит Савченко, приходя в себя.

– Пужливый ты, Олег, стал, – заявляет Настя, проходя в палату.

А дочка бежит к тумбочке и сразу, указывая пальцем на фрукты, что лежат на ней, спрашивает:

– Папа, а это кому?

– Тебе, – говорит Саблин.

– А это что? – Спрашивает девочка, указывая пальцем на один из плодов.

Аким не знает, он знает апельсин, но Наталка апельсины и сама знает.

– Яблоко это, – говорит Савченко, – вкусная вещь.

Он лезет в карман куртки и достаёт оттуда что-то в фольге:

– А это шоколадка. Тоже тебе.

Он протягивает шоколад девочке. Та быстро и ловко выхватывает угощение из рук мужчины. Савченко встаёт со стула:

– Ну, здравствуй, Настя.

– Кому Настя, а кому и Настасья Петровна, – сурово говорит жена Саблина.

Савченко заметно смущается, видно, не ожидал он такого. Аким удивлён. Не помнит он такого, что бы Олег смущался.

– Чего ты, Настя, я ж старый знакомец мужа твоего. – Удивлённо говорит Савченко.

– Знакомцы моего мужа – люди приличные. Женатые все. – Строго говорит женщина. – А у тебя, Олег, семьи нет. Зато есть шалман на всю станицу известный. Чего уж на станицу, на все станицы в округе.

Наталья, дочка, засмеялась, даже под медицинской маской видно, и говорит отцу:

– Мама сказал «шалман».

Саблин хмурится, молчит, ему не очень приятна вся эта ситуация. И ещё ему непонятно, где дочка услышала это слово. Видно, от старших детей.

– Ах, вон ты про что? – Тут Савченко пришёл в себя, засмеялся.

– Да, всё про это.

– Да ты не бойся, я твоего Акима в свой шалман не зову.

– А он и не пойдёт, – заявляет жена, – нешто у него дома нету. И дом у него есть, и жена у него исправная, чего ему по шалманам таскаться.

– Дома я его не видел, а вот про жену не поспоришь, – говорит Савченко и снова лезет в карман, достаёт оттуда три длинных пакетика, Аким сразу узнаёт, что это. Олег протягивает пакетики Насте. – Вам, госпожа казачка.

– Чего это ещё? – Косится на пакетики жена, ей, видно, интересно, но она не торопится брать.

– Кофе, настоящий, офицерский. – Говорит Савченко.

Нет такой женщины на болотах, да и в степных станицах, что устоят перед настоящим кофе. Настя улыбается и, вроде как, нехотя берёт пакетики:

– Ох и жук ты, Савченко.

– Да брось ты, Настя, – говорит Олег, – я хороший.

– Хороший он, – жена разглядывает пакетики, – на всё болото известно, какой ты хороший. Бабам, если бы волю дали, так давно тебя из станицы выселили бы.

– Так бабам только дай волю, – ехидничает Савченко. – Они бы уже дел наворотили бы.

Настя заметно смягчилась после подарка, но всё ещё серьёзна:

– Ты, Савченко, моего мужа никуда не втягивай, смори. У него и без тебя суматохи хватает. И домой его к себе не приглашай.

– Да я о здоровье пришёл узнать, – говорит Олег.

– О здоровье, – не верит женщина, – либо на промысел подбиваешь его. Не подбивай, не пойдёт!

– Ишь ты какая! – Смеётся Савченко. Глядит на Акима. – Прямо войсковой атаман у тебя в доме проживает.

Настя опять руки в боки встала, красивая женщина, и уж точно от своего не отступит. Савченко видит это, смеётся, протягивает руку Саблину:

– Ладно, пойду.

Аким жмёт ему руку, и он уходит, на прощанье оборачивается в дверях:

– Вот тебе повезло, Аким, вот повезло, ну прям вылитый восковой атаман и только, как ты к ней в постель-то идёшь ложиться, видать, строевым шагом.

– И с отдачей чести, – кричит ему вслед Настя.

– И даже не сомневаюсь, – уже из коридора доносится голос Савченко.

Жена берёт у Наталки яблоко, легко разламывает его на две половины, половину отдаёт девочке.

– Это всё, что ли? – Удивляется Наталка.

Настя ей поясняет:

– Остальное братьям и сестре.

Садиться сама к мужу поближе, начинает по-хозяйски его осматривать, ворот ли не грязен на рубахе, повязку на руке смотрит, свежая ли. Руку больную погладила, ласковая.

– Чего ты на него накинулась? – Недовольно спрашивает Саблин.

– Нечего около моего казака вертеться, чего он, друг тебе, что ли?

– А может, друг.

– Не нужны нам друзья такие, сейчас начнёт тебя на промысел сманивать.

– Ты уже за меня будешь решать, кто мне друг, а кто – нет? – Начинает злиться Саблин. Смотрит на жену сурово.

– Да не решаю я, Аким. – Настя начинает гладить его по небритой щеке, говорит примирительно. – Чего ты? Просто не хочу, что бы он тебя в свои промыслы сманивал, ты и так дома не сидишь, либо в призывы уходишь, либо на кордоны. А когда дома, так в болоте этом, пропади оно пропадом.

– Так работа у меня такая – в болоте пропадать, – бурчит Саблин, – с твоего садика долго не проживём. Нужно две бочки в месяц горючего добыть.

Настя его гладит, слушает, кивает, только всё это пустое, ей всё равно, что говорит муж, и Аким это знает. Говори ей – не говори, всё одно будет своё гнуть: сиди у её юбки, никуда не ходи.

– Пиво, что ли? – Трогает тяжёлую баклажку женщина.

– Пей, – говорит Саблин.

Но она не пьёт, нюхает с пакет палочками вяленого мяса, смотрит на фрукты, потом на Акима:

– А апельсины тоже Савченко принёс?

– Нет. – Отвечает он.

Не хочется ему говорить о приходивших. Но Настю разве остановишь:

– А кто ж тебе их принёс?

– Городские были.

Она как знала, даже улыбнулась едва заметно, взяла апельсин, понюхала его, словно почуяла что-то:

– А баба с ними была?

– Женщина была.

Вот зараза, и уже шурится сидит, уже бесится.

– Женщина, а то я думаю, бабы в магазине говорили про бабу приезжую, думаю, что тут городской бабе у нас в станице делать. К кому она приехала? А известно к кому.

– Чего тебе известно? – С раздражением говорит Саблин.

– Да ничего, ладно уж. – Как ни в чём не бывало отвечает жена.

– С учёными она приехала, сама она учёная. Интересуются случаем этим, тварью убитой интересуются. Вопросы задавали. Дав мужика и она, чего ты там себе уже напридумывала?

– Да ничего, – жена поправляет ему одеяло, которое не нужно поправлять. – Андрей Семёнович говорит, что выпишет тебя через два дня.

Это Саблин и сам знает, пуля ему попала в диафрагму, повезло ему. Пулю извлекли, всё заросло как надо. Грибок, судя по предварительным анализам, его тоже миновал, хотя нужно будет через месяц ещё раз проверить. Кожу он тоже сохранил, вовремя смыл амёб. Да и чувствовал он себя нормально, даже хорошо. Лежал бы да отдыхал, только как тут отдохнёшь, когда виноват в смерти боевых товарищей. Троих-то ты убил, как не крути. И что бы там себе и другим не объяснял, какие бы истории про удивительную тварь и про боль в глазах и голове не рассказывал, ничего не поможет.

Стрелял в них ты. Казаки, может, всяко бывает, и поймут, а вот близкие тех, кто не вернулся из болота, знать ничего ни про какую тварь не хотят.

Стрелял в их отцов и мужей ты.

Вот и отдыхай теперь. Отдыхай. За больницу тебе платить не придётся, больница за счёт общества. Всем, кто за интересы общества пострадал, больница всегда бесплатна.

Хорошо, что посетители приходят, не то от этих мыслей и умом тронутся нетрудно.

Глава 4

А ещё он думал о том, что остался без лодки. И без мотора. И мысли эти тоже не давали ему покоя. Весь его доход приносило болото, рыба, мерзкая на вид и на ощупь, «стекляшка». За месяц он вылавливал её столько, что хватало на две бочки горючего. Одну бочку он сам использовал, а за вторую получал серебряный рубль.

Деньга хорошая. Надел, свиньи, куры – это всё только чтобы жить хоть как-то, а доход – это рыба. Придётся покупать новую лодку или самому делать, купить дюралю и сварить. Это долго, муторно, но он сделает. А вот мотор сам не сделаешь, придётся покупать. Саблин прикидывал в уме: на всё, про всё, даже если сам варить лодку будет, двадцать два целковых вынь да положь.

– Ой, забыла тебе сказать из-за этого Савченко, – она округлила глаза, приблизилась и понизила голос, у женщин так принято, когда они хотят дать понять, что сказанное – это тайна, и это значит, что сейчас она скажет что-то важное, – Андрей Семёнович сказал, что нашего Юрку может взять в обучение.

Аким даже не поверил в то, что услышал:

– Чего, кого?

– Юрку нашего, он же в прошлой четверти зачёты сдавал, так и сдал. Биологию и химию, всё на сдал на девяносто баллов. Лучший показатель в школе. Его и ещё Надю Косову пригласили в больницу на собеседование. Андрей Семёнович говорит, что он его прошёл.

Саблин ошарашен, молчит, смотрит на жену и не верит даже, хотя поверить нужно. Вот так вот! Юрка его вон какой. Во врачи может пойти. Шутка ли! Во врачи! Врач – это же... К диплому врача сразу погоны офицерские прилагаются. Диплом получил и сразу лейтенант медицинской службы. Лейтенант!

И не нужно парню казацкую лямку всю жизнь тянуть, призывы считать да на кордоны ходить, выслугу высчитывать. И люди к тебе обращаются «господин врач» или «господин сотник». И всегда на «вы». Никак иначе. И при деньгах всегда. И любая дочка, даже полковничья, сразу замуж побежит, если врач сватов пришлёт.

А Настя счастливая, как будто это её во врачи пригласили. Красивая, глупая, конечно, но красивая, не зря за ней пол станицы ухлёстывало. Он гладит её по щеке. А она и рада. Его руку целует.

– А сколько денег доктор за обучение попросит? – Спрашивает Аким.

Тут Настя уже не так счастлива становится, глядит заискивающе, словно просит:

– Говорит, тридцать рублей сразу и по двадцать за каждый год учёбы. А учиться пять лет.

У Саблина всего шестьдесят рублей. Накопил. А из них двадцать с лишним на новую лодку уйдёт. Но он всё равно кивает головой, что ж делать, надо будет добывать больше.

– Найдём, – говорит Аким и всё кивает головой, – заработаем.

Наталка неприкаянная бродила по палате, медицинскую маску стянула на подбородок, ела яблоко и вдруг сказала громко:

– Папа, а Олег саранчу поймал у нас во дворе! Во-от такая огромная, – девочка растягивает большой и указательный пальцы, показывая, как велика та саранча.

Аким посмотрел на Настю:

– Саранча?

– Да прилетела одна, – небрежно отмахивается жена, ей сейчас охота говорить про старшего сына, не про какую-то саранчу.

– Дожди собираются? – Продолжает Аким.

– Ой, слушай, три дня подряд тучи идут и идут на юг огромные, но дождя у нас не было. – Ей не терпится снова говорить о своём удивительном сыне, которого приглашают учиться на врача.

А Саблин что-то заволновался:

– А в управе ничего про саранчу не говорили? Инсектицид варить не думали ещё?

– Да нет, не слыхала, если бы собирались, бабы в магазине уже об этом говорили бы. Ой, да успокойся ты, одна саранча на двор залетела, а ты уже волнуешься. Не пожрёт она твою кукурузу. Нагонишь ещё водки.

Она ещё что-то хотела добавить, да в дверь палаты постучались, и в приоткрытую щель пролезла круглая голова. Аким сразу узнал её.

– Доброго здоровья вам, Анастасия Петровна, – ласково начала голова.

– Здравствуйте, – корректно отозвалась Настя.

Щавеля она знала плохо, знала, что он из станичного и полкового начальства.

А Никодим уже в палату вошёл, не дождал пока жена уйдёт, некогда ему ждать. Начальник.

– Здорова, Аким. – Протянул руку и продолжил, ласково обращаясь к Насте, – вы уж не взыщите, Анастасия Петровна, да дело к вашему супругу есть у меня.

Неймётся ему.

– Ну, дело так дело, – засобиралась Настя. – Наталка, пошли. У папки дела.

– Фрукты-то не забудь, – напомнил Саблин жене про яблоки и апельсины, что лежали на тумбочке.

Когда они ушли, Щавель сел на место Насти у кровати и опять завёл всё тот же разговор, который вёл уже неделю. Саблин вздохнул. Но делать было нечего. Стал отвечать на вопросы. Наверное, уже в десятый раз.

Когда Щавель ушёл, задав двадцать дурацких вопросов, как стрелял, куда попадал, где окопы капал, где фугасы ставил. Саблину принесли еду. Рука у него уже работала почти нормально, он и забыл, что согнуть пальцы не мог. И бок не болел, если сильно не крутиться. Щека заросла. В принципе, он мог уже вставать и мог бы пойти в общую столовую, но встречаться там с другими казаками ему не хотелось. Те будут сидеть молча, ждать его рассказов, а то и вовсе спрашивать начнут. А он на сегодня уже наслушался вопросов. Варёная куриная нога с кукурузной лепёшкой и кусками сладкой, печёной тыквы, простой солдатский чай из побегов вьюна. Хороший ужин. Тут он, наконец, открыл жбан с пивом. Вытянул из свёртка длинный тонкий кусок вяленого мяса дрофы. И встал с кровати. Пиво, деликатесное мясо, тишина. Не спеша, тихонечко разминая ноги, он пошёл к окну. Прикусил мясную палочку, освободил руку и потянул жалюзи.

И удивился. Свет не ударил ему в глаза. Конечно, солнце уже к вечеру покатилося, но всё равно так не должно быть. Он даже сначала не понял, что произошло. Думал, что вечер, и только приглядевшись, понял, что дело не в этом. Всё небо заволокли тучи. Тяжёлые, громоздкие, тянущиеся снизу вверх, громоздящиеся друг на друга, кудлатые. Тёмно-тёмно-серые.

Саблин и вспомнить не мог, когда такие он видел в последний раз.

Каждый год после страшной летней жары, с севера начинают катиться тучи, летят всегда на юг. Только на юг. И обрушиваются на степь и пойму страшными ливнями, которые льются месяц, а то и два. Заливают степь, превращая грунт в непроходимое месиво. А белые пыльно-песчаные барханы в черные горки. От воды на вершинах барханов зацветает плесень. Все вершины покрываются пятнами чёрной, с зелёными и белыми краями, плесени. Степь зацветает.

Так было всегда, сколько помнил Саблин, вот только не помнил он, что бы туч было так много.

Он набрал жену:

– Чего ты, что случилось? – Сразу встревожилась она.

Аким нечасто ей звонил.

– Да ничего не случилось, тучи, гляжу, тяжёлые, ты скажи Юрке, пусть насосы отключит, дождь будет.

– О Господи, да уж додумались бы без тебя, чего ты тревожишься. Ты не тревожься, Аким, мы ж не дурни, как-никак сами живём, когда ты в призыв уходишь.

Это так, он прощается с женой, пьёт пиво. Да, к нему легко привыкнуть, вкусное. Только вот привыкать нельзя. Ему оно не по карману, теперь не до пива ему. Он надеется сына выучить на врача.

Пошёл, сел на кровать. Он поставил стакан на тумбочку и там, возле баклажки, увидел клочок бумаги, который раньше не замечал. Взял его, а там было написано:

«Панова» и всё. Ну, и номер личного коммутатора.

Не хотел он с этой бабой, с Пановой, и с этими двумя мужиками ехать за антенну снова, да видно придётся. Она ему лодку и, кажется, ещё денег обещала. Он хочет всё уточнить, хочет поговорить с белокурой городской дамочкой. Но откладывает всё на утро. Да, утром поговорит. Всё равно его не выпишут ещё два дня. Торопиться некуда.

Теренчук и Хайруллин словно прилипли там, наверху, к пусковому столу. Сидят. Ждут. Чего ждут?

Саблин вздыхает, граната уже должна долететь, а они молчат. Попали – не попали, не ясно.

И тут на весь овраг заорал Жданок. Он по штатному расписанию боец радиоэлектронной защиты.

– Коптер!

Сидел он рядом с Саблиным, Аким даже вздрогнул от неожиданности.

– Дрон-наблюдатель, – он замолкает, глядит в монитор, что у него на животе, и снова орёт, – юг, один-тридцать. Шестьсот семьдесят метров. Высота семьсот двадцать. Идёт к нам.

Саблин не шевелится, нет смысла. Он штурмовик, у него все подствольные гранаты либо осколочные, либо фугасные. А все стрелки, у кого винтовки «Т-20-10», засуетились, снаряжают под стволы «самонаводящиеся». Такой можно сбить коптер.

– Пятьсот семьдесят, – орёт Жданок.

А эти проклятые гранатомётчики всё сидят, как приросли, заразы, вот чего они там высматривают. Нет, не приросли, Теренчук наконец отрывается от прицела и орёт вниз не тише Жданка:

– Промах! Гранту на стол.

– Гранту! – Орёт за ним Хайруллин.

Саблин и Ерёменко снова скручивают новую гранату, Лёшка снова лезет на стену оврага, предаёт гранату Хайруллину:

– Последняя, больше нет, вроде.

Тот молча забирает у него гранату, укладывает на то место, где ей положено лежать, докладывает:

– Граната на столе.

Теренчук его не слушает, он опять прилипает к прицелу.

– Коптер – четыреста, – орёт Жданок. – Идёт к нам.

– Кто первый по дрону стреляет? – Кричит взводный. – Носов, давай ты.

– Есть, – коротко отвечает урядник и лезет вверх.

– Серёгин, ты второй бьёшь, если Алексей не попадёт. – Продолжает взводный.

– Есть, – казак лезет по стене за Носовым.

Саблин садится снова на край своего окопа. Снова тянет сигарету.

И курить не хочется, да разве не закуришь тут. Дрон по их душу послали, к ним летит. Первый раз их мелкими минами в слепую засыпали, а теперь будут бить прицельно. И не «восьмидесяткой», теперь врежут как следует. Жди «стодвадцаток».

– Триста сорок, – орёт Жданок, идёт с набором высоты, уже за тысячу перевалил.

Па-х-х.

Негромко хлопнул «подствольник», и небольшая ракетка полетела навстречу вражескому коптеру.

И не долетела ещё, а Жданок, глядя на свой монитор, орёт:

– Мимо, давай вторую. Высота тысяча, до цели двести восемьдесят.

Па-х-х.

Теперь стреляет Серёгин.

Пара секунд, ещё пара, ещё...

– Есть! Накрытие, – сообщает Жданок.

– Интересно, видел он нас? – Спрашивает взводный.

– А то нет? – С каким-то радостным раздражением отвечает электронщик. – Ложимся в могилки, ждём гостинцев.

Все уже позабыли про гранатомётчиков, а они, кажется, и не знали про коптер, так и сидят за пусковым столом. И Теренчук кричит:

– Товсь!

– От струи! – Орёт следом за ним Хайруллин.

Снова шипящая вспышка озарила овраг.

Граната ушла.

– Всё! – Орёт на весь овраг взводный. – Гранат больше нет. Отходим. Сейчас по нам жахнут.

Казачи начинают собираться, быстро, бегом идут обратно, Саблин тоже встал, кому охота под удар попадать. А гранатомётчики сидят. Теренчук ведёт гранату.

Это ни с чем не спутать. Его уже накрывало один раз таким. Кажется, что земля уходит из-под ног. И кажется, ветер какой-то неслыханной силы. И пыль с песком такая, что только глаза береги. Он валится на землю, в падении, как успел – сам не понял, захлопывая забрало. Упал, накрылся щитом. И тут же по щиту забарабанили камни и куски сухого грунта. Снаряд, который летит в тебя, ты никогда не услышишь.

И становится тихо.

Только в коммутаторе голос взводного:

– Раненые?

– Наверху бахнул, – Аким узнаёт голос Серёгина. – К нам в овраг не залетел.

Аким ждёт ответа, слава Богу, никто не отвечает, пронесло, но это только начало. Значит, Серёгин прав, раненых нет.

– Уходим, – кричит в коммутаторе командир, – все... все уходим, бегом, казаки.

Саблин вскакивает, случайно поднимает голову, и камеры выносят ему на панораму картину: оседает пыль, ещё песок летит с неба, с мелкими комками замели, а гранатомётчики так и сидят у пускового стола. Первый номер не отрывается от прицела.

Казачи уже бегут прочь по оврагу, Саблин тоже пошёл, но оборачивается, смотрит на них.

И тут новый удар. Аким опять падает, но на этот раз снаряд попал чуть дальше оврага.

– Уходим, – уже с надрывом орёт прапорщик Михеенко, – Теренчук, Хайруллин, бросайте всё, убегайте.

Казачи бегут на север,

– Есть, – вдруг радостно сообщает Теренчук, разгибаясь, наконец, у пускового стола. – Накрытие!

Они с Хайруллином начинают снимать стол, но взводный орёт на них:

– Бросьте его, прыгайте оттуда, бегом... Бегом...

– Бегите, дураки, – орёт урядник Носов. – Вилка! Сейчас накроют.

Аким сам уже бежит, но у него опять заедает левое «колено», бежит, хромает. Да скорее идёт быстро, разве с неисправным «коленом» побегаешь.

И опять удар, взрывная волна догоняет его, щит у него висит на спине, так его она толкает в щит, он летит, вперёд, дробовик теряет, мимо него, в пыли и песке, пролетают казаки.

– Живы? – Орёт взводный.

– Жив, – отзывается Хайруллин.

– Живы-живы, – отзывается Теренчук.

Саблин чувствует себя нормально. Говорит в коммутатор:

– Жив.

Снова встаёт и ищет оружие. А дробовик песком присыпало, в темноте попробуй найди. Его быстро догоняют гранатомётчики:

– Чего ты? – Орёт на него Теренчук. – Беги.

– Сейчас, – отзывается Аким. Шарит руками в пыли.

Не было такого, что бы он оружие терял.

– Уходите. – Уже едва ли не с истерикой кричит взводный. – Быстрее.

Саблин оружие находит, вскакивает, бежит-хромает вслед убегающим, изо всех сил бежит. А за спиной снова ухает взрыв, но далеко. Только горячий воздух его догоняет с песком. Он не останавливается. Снова бьёт в землю снаряд. Уже ближе, но волна не сбивает его с ног, большой осколок, зло шурша, пролетает мимо, глухо впиивается в песчаную стену оврага. Близко пролетел. Он продолжает бежать вслед своим сослуживцам.

А за спиной опять поднимается фонтан из грунта. И опять. Пристрелялись артиллеристы. Каждый новый снаряд точно залетает в овраг. Но это всё уже – там, далеко за спиной.

Когда сил бежать уже нет, он переходит на шаг. Он идёт последний, все его ждут, привалившись к стенам оврага, только взводный стоит.

– Ранен? – Спрашивает он.

– Да нет, вроде...

– А какого хрена копался там в песке? Чего дожидался?

– Дробовик уронил, – говорит Саблин.

– Дурень, – невесело вздыхает урядник Носов.

– А чего хромал? – Продолжает прапорщик.

– «Колено» барахлит, – говорит Аким, понимая, как глупо это звучит, он решает объяснить, – ходил к технику, вроде, всё нормально, а как нагрузку дашь, так мотор не тянет.

– Ох и дурак ты, Саблин, – говорит взводный, но без злобы.

А взрывы всё рвут и рвут землю в овраге. Прапорщик смотрит в ту сторону и командует:

– Поднимаемся, казаки, вал к нам идёт. На север отойдём. К нашим.

Взвод отступает к своим, все целы, кроме двух, что были ранены в самом начале дела. Для взводного это главное. А взрывы всё рвут и рвут овраг за их спинами. Но это уже далеко, даже если и долетит осколок какой, так уже на излёте будет. Брони ему не пробить.

Глава 5

Аким вздрогнул, открыл глаза. И понять не мог, где он. Перед глазами потолок белый, гладкий. Весь в отсветах, в бликах от светодиодов медицинского оборудования. Госпиталь, а на улице, вроде, только что канонада прокатилась. Он лежал, прислушивался. Тихо в палате, только приборы медицинские слегка гудят. Диодами моргают. Нет, не могло ему такое при-
сниться. Это не сон был. Саблин резко сел на кровати, слишком резко, в боку кольнуло. Ничего, соскочил с кровати, пошёл к окну. А там вспышка, он опять вздрогнул, и тут же раскаты, раскаты, раскаты, словно кто-то огромные шары на лист туго натянутого пластика роняет. Как по огромному барабану бьёт.

Гроза.

Молния в полнеба сверкнула и не просто сверкнула, подражала в небе, словно не могла найти места, куда силу свою деть. Вся как корень степной колючки, разветвления, разветвления. Красивая.

Сразу как погасла, опять гром покотился раскатами.

Да, гроза. Редкое дело. Когда он грозу видел в последний раз, лет эдак десять назад, нет, больше. Гром гремит знатный.

В больнице теплоизоляции хорошая, а значит, и звукоизоляция неплохая, но он отлично всё слышит.

И первые капли плюхаются на стекло окна. Поползли, сначала по одиночке, редкие. А потом застучали капли, сразу, дружно. И уже через пару секунд ручьи побежали. Ливень.

Ливень это то, что нужно. Он всё за свою кукурузу волновался. Напрасно, будет у него кукуруза своя, покупать не придётся.

И снова полыхнула молния, только теперь не видно её было, только отсвет осветил восток.

– Лей, лей, вода, – тихо сказал Аким.

Чистой воде все рады. И люди, и растения, и зверьё разное. Он довольный повернулся и пошёл к кровати, улёгся. И заснул, как засыпают солдаты, которые месяцами не высыпаются, то есть быстро и крепко.

Толстая медсестра сделала укол, протёрла плечо ему ватой и спросила:

– Саблин, ты в столовую пойдёшь или тебе сюда принести?

Он не ответил сразу, вроде, и надоело уже в палате одному сидеть, но в столовую общую он что-то не хотел идти. Там казаки будут коситься, бабы шептаться начнут. А ещё попросят рассказать, что на антенне произошло, нет, не хотелось ему всего этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.